

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

СЕРИЯ 7

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

1999 - 1

издается с 1973 г.
выходит 4 раза в год
индекс серии 2.7

МОСКВА 1999

собственным текстом), чем как следствие чисто эстетического переживания. Конечной целью философии, по его мнению, является эмоционально насыщенное созерцание идей, которые в тексте находят выражение неизбежно смутное и расплывчатое. Поскольку идеи недоступны выражению, то, по мнению Д.Валлинза, созерцание этих идей не имеет собственно философской ценности, и получается, что Колридж проповедует культ затемненности смысла.

Статья заканчивается кратким обзором отзывов современников о прозе Колриджа (Дж.Макинтоша, Дж.Фостера, У.Хэзлитта, журнала "British critic). Анализ рецепции его прозы современниками позволяет сделать вывод, что Колриджу удавалось передать и чувство Возвышенного и мысли порой более глубокие, чем были доступны некоторым современным философам-эмпирикам. Вместе с тем создается впечатление, что главная цель Колриджа – привлечь внимание читателя, скорее, к собственным сочинениям и к тем творческим усилиям, результатом которых они являлись, чем к идеям Возвышенного, тематизированным в них (59).

О.Ю.Анциферова

ЛИТЕРАТУРА XX В.

Русская литература

99.01.012. "Я В ЭТОТ МИР ПРИШЕЛ, ЧТОБ ВИДЕТЬ СОЛНЦЕ...": Жизненный и творческий путь К.Д.Бальмонта. (Обзор).

Интерес к поэзии "серебряного века", а также и к литературе русского зарубежья обусловил возросшее внимание к творчеству Бальмонта (1867-1942) - одного из первых русских декадентов и символистов. С 1920 г. он жил в эмиграции.

Начиная с 1980-х годов в России появляются все новые издания поэзии, прозы и переводов Бальмонта¹, публикуются письма²; растет число его исследователей.

Существуют две традиции в произнесении фамилии поэта. К.М.Азадовский в биографическом словаре "Русские писатели: 1900-1917" (М., 1989. - Т. 1. - С. 148) ставит ударение на первом слоге. Его поддерживает П.В.Куприяновский в статьях "Бальмонт или Бальмонт?" (Литературная газета. - М., 1992. - 19 авг.) и "Некоторые вопросы изучения биографии и творчества К.Бальмонта" (5, вып. 1, с. 20). Второго варианта акцентации придерживается В.С.Баевский (2). М.Л.Гаспаров представил два варианта акцентации как псевдоним и фамилию: "Бальмонт (наст. фам. - Бальмонт)" (4).

Свою версию родословной сам поэт изложил в письме В.В.Обельянинову от 18 сент. 1937 г.: "Отец мой произносил нашу фамилию - Бальмонт, я стал произносить - из-за каприза одной женщины - Бальмонт. Правильнее, думаю первое. Тем более что это- фамилия литовская. Дед мой звался - Балмут. Позднее фамилия

¹ См.: Избранное: Стихотворения, переводы, статьи / Сост. Бальмонт В.; вступ. ст. Озерова Л.А. - М., 1980 (то же - 1983, 1990); Витязь в барсовой шкуре: Поэзия Шота Руставели / Пер., вступ. ст. Цаишвили С. - Тбилиси, 1989; Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Ивановой Е.В. - М., 1989; Кальдерон П. Драмы: В 2 кн. / Пер. - М., 1989; Солнечная пряжа: Стихотворения, очерки / Сост. предисл., примеч. Банникова Н.В. - М., 1989; Ашвагхоша. Жизнь Будды; Калидаса. Драмы / Пер. - М., 1990; Золотая россыпь: Избранные переводы / Сост., вступ. ст. Романенко А.Д. - М., 1990; Избранное: Стихотворения, переводы, статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Макогоненко Д.Г. - М., 1990 (то же - 1991); Стозвучные песни: Сочинения Стихи и проза / Сост., вступ. ст. и примеч. Куприяновского П.В., Молчановой Н.А. - Ярославль, 1990; Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / Сост., предисл. и коммент. Крейда В. - М., 1992; Светлый час: Стихотворения и переводы из 50 книг / Сост., предисл. и коммент. Крейда В. - М., 1992; Собрание сочинений: В 2 т. - Можайск - Терра, 1994; Колдунья. - М., 1995; Избранное / Предисл. Рошаль В.М. - СПб., 1997.

² Переписка с К.Д.Бальмонтом / Вступ. ст. и подгот. текста Нинова А.А. // Литературное наследство. - М., 1991. - Т. 98. - Кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты, Американские письма К.Д.Бальмонта / Публикация Шерона Ж. // Минувшее: Исторический альманах. - М., 1993. - Вып. 13; Письма К.Бальмонта А.Ранниту (1937-1938) / Публикация Шерона Ж. // Новое литературное обозрение. - М., 1995. - № 11.

в документах меняется" (ИРЛИ РАН. Р. 1. Оп. 21. Д. 103. Л. 17; см. также: 5, вып. 2, с. 61).

К.Д. Бальмонт родился 4 (16) июня 1867 г. (деревня Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии) в помещичьей семье. "Детство... было очень счастливой порой" (1, с. 292). Поэт описал его подробно в книге "Под новым серпом" (Берлин, 1923). С детства он много читал, особый интерес проявляя к поэзии; пробовал сочинять стихи. "Моими лучшими учителями в поэзии были, - напишет он на закате жизни, - усадьба, сад, ручьи, болотные озерки, шелест листвы, бабочки, птицы и зори" (Где мой дом? - М., 1992. - С. 396). В 1876-1884 гг. Бальмонт - гимназист классической гимназии г. Шуи. Учился без интереса; исключение составляли литература и иностранные языки. Незадолго до окончания был исключен как участник "революционного" кружка. Курс обучения закончил во Владимире в 1896 г. Получить высшее юридическое образование (сначала Московский университет, затем ярославский Демидовский лицей) не удалось из-за увлечения литературой, а также из-за ранней женитьбы. Первые стихи начал писать и печатать, "поощренный В.Г. Короленко" (1, с. 297).

В своей семейной жизни был очень несчастлив. Его первая жена Л.М. Горелина была истерична, подозрительна, ревнива. Семья испытывала большие материальные трудности. Первый ребенок умер во младенчестве от воспаления мозга; второй - Николай (1890-1924) - стал поэтом и музыкантом (умер от душевной болезни).

Первая книга "Сборник стихотворений" (Ярославль, 1890; с посвящением жене) не встретила отклика, и весь тираж, по утверждению Бальмонта, был им уничтожен. Поэт тяжело пережил неудачу.

13 марта 1890 г. "в одном из приступов меланхолии он выбросился из окна своей комнаты на третьем этаже на мостовую, разбил голову, сломал ногу, руку и больше года пролежал в больнице в больших страданиях. От общего истощения у него не срастались кости. Правая рука у него навсегда осталась больной" (1, с. 299). И все же из больницы Бальмонт вышел совершенно другим человеком - уверенным в себе, жизнерадостным (он считал, что прикосновение смерти разбудило в нем "творческую мечту"). Все это он описал в автобиографическом рассказе "Воздушный путь" (1923).

Чтобы читать поэтов в подлиннике, Бальмонт стал изучать иностранные языки. Г.Ибсена он читал по-норвежски, однако первый перевод сочинений этого автора был сожжен цензурой. С 1890-х годов переводческая деятельность Бальмонта становится все более интенсивной: “История скандинавской литературы” Ф.В.Горна (М., 1894), “История итальянской литературы” А.Гаспари (М., 1895-1897. - Т. 1-2), Собрание сочинений П.Б.Шелли с вступительной статьей и комментариями (М., 1893-1899), “Драматические сочинения” Г.Гауптмана (М., 1900) и его же Собрание сочинений (М., 1908), Собрание сочинений Э.По со статьей о писателе в последнем томе (М., 1911-1912. - Т. 1-5) и мн. др.

Наследие Бальмонта-переводчика огромно - он переводил не менее чем с 30 языков: английский, испанский, итальянский, немецкий, французский, староирландский, древнегреческий, литовский, армянский и др. Он переводил древнеегипетскую любовную лирику и полинезийский фольклор, бретонские священные гимны и книгу древних майя “Пополь-Вух”, японскую хоку и “Слово о полку Игореве”...

Интересно энциклопедически насыщенное знанием разных языков и культур стихотворение “Похвала уму”: “... Ум английский - и светлый, и туманный, / Как море вокруг несчастных островов. / Бесстыдный ум французов, ум немецкий - / Строительный, тяжелый и тупой, / Ум русский - иступленно-молодецкий, / Ум скандинавский - вещий и слепой, / Испанский ум, как будто весь багряный, / Горячий как роскошный цвет гвоздик, / Ум итальянский - сладкий, как обманы, / Утонченный как у Мадонны лик. / Как меч, как властный голос - ум латинский, / Ум эллинский - язык полубогов, / Индийский ум, кошмарно-исполинский, - свод радуги, богатство всех тонов”.

Собственные стихи Бальмонта печатались в газетах (“Русские ведомости”) и журналах (“Русская мысль”, “Вестник Европы”). Стихотворения сборника “Под северным небом” (СПб, 1894) “проникнуты характерными для “усталого” поколения 80-х годов XIX в. жалобами на серую бесприютную жизнь. Однако эти мотивы окрашены в символично-романтические тона: меланхолия, скорбь, ожидание смерти соседствуют с прославлением любви, природы, естественных начал бытия” (8, с. 37). В сборнике несомненно

влияние Фета, но много и нового - "тяготение к музыкальности, философия мгновенных состояний, эксперимент, особое внимание к звуковой стороне стиха" (там же). Именно в этом сборнике появился ставший знаменитым своими аллитерациями "Челн томленья": "Вечер. Взморье. Вздохи ветра. / Величавый возглас волн. / Близко буря. В берег бьется / Чуждый чарам черный челн..." Здесь же было заявлено некое философское кредо Бальмонта: "Не верь тому, кто говорит тебе, / Что смерть есть смерть: она - начало жизни, / Того существования неземного, / Пред которым наша жизнь тесна, / Как миг тоски - пред радостью беспечной..." ("Смерть").

В 1895 г. вышел сборник "В безбрежности" (М.), но он был холодно встречен критикой. Вместе с тем В.Марков в своем "Комментарии" (11) доказывает, что символ "безбрежность" стал одним из самых бальмонтовских (примером может служить сонет "На пределе"). В.Марков дает обширный перечень символов Бальмонта (11, ч. 2, с. 287-288); среди них - море, лес, равнина, горные вершины, омут, заводь, затон, теснина, пропасть, обвал, Солнце, Луна, звезды, озеро, ручей, поток, дорога, путь, пустыня, оазис, часы, маятник, факел, искра, пожар, дым, костер, пламя, чад, зола, очаг, дом и многие другие.

В 1896 г. Бальмонт вновь женился - на Е.А.Андреевой (судя по ее воспоминаниям, этот брак был счастливым; однако эмиграция Бальмонта в 1920 г. развела супругов по разным "берегам" - их связывала только переписка). В 1896-1897 гг. Бальмонт с женой путешествовал по Европе (Франция, Испания, Голландия, Англия, Италия), изучал языки и культуру европейских стран.

Лучшая книга раннего Бальмонта - "Тишина" (СПб, 1898). И это не только этап становления самого поэта, обретение им литературной известности, но также - становление русского символизма. "Творческий метод поэта в тот период, - считает А.Мандельштам, - ближе всего к импрессионизму. Бальмонта привлекает не столько сам предмет изображения, сколько ощущение предмета; для его поэзии характерен дух импровизации, стихийное рождение образов. Его поэтический язык - условно-символический, состоящий из туманных определений и загадочных намеков. Даже любовь к женщине предстает в "Тишине" в метафизическом ореоле ("Нет и не будет") (8, с. 37).

Воплощение жизни как мечты, иллюзии, фантазии и взгляду на мир лишь сквозь призму “Я” поэта провоцировал крайний субъективизм. Идеальным средством такого воплощения становился импрессионистический, “живописный” подход, как бы разрушающий зрительный образ, замещая его ирреальным, алогичным, аморфным поэтическим образом. Сами названия циклов в сборнике “Тишина” несут на себе печать образов акварельного рисунка: “В дымке нежно-золотой”, “Воздушно-белые”; есть в сборнике и “английский” цикл (“Английский пейзаж”, “В Оксфорде”, “Вечер”), который можно назвать “живописанием” словом.

В творчестве Бальмонта проявилось важнейшее начало символизма как синтетической эстетики, т.е. искусства соединения выразительных возможностей разнородных качеств художественного образа.

Существенным компонентом эстетики символизма была музыка. Философское обоснование представлений о музыке как высшем из искусств, идеальном средстве выражения сокровенной божественной сути мира (об этом размышляли А.Шопенгауэр и Ф.Ницше, а вслед за ними многие русские символисты) не получило глубокого осмысления у Бальмонта; однако идея совершенствования звуковой инструментовки стиха, поэтической речи изначально находила отклик в его художественной практике.

Особое внимание уделялось ритмическим изыскам в поэзии. Символистов часто называют разрушителями классической силлаботоники. Бальмонт не был сторонником ритмической синкопы, но в пределах силлаботоники им были открыты богатейшие возможности ритмики (“Нить Ариадны”, “Уходит светлый Май. Мой небосклон темнеет...”, “Болото”, “Грусть”, “Трубадур”, “Снежные цветы”, “Я тревожный призрак. Я стихийный гений...” и десятки других). Позднее в начале 900-х годов, поэт скажет о себе: “Я - изысканность русской медлительной речи, / Предо мною другие поэты - предтечи. / Я впервые открыл в этой речи уклоны, / Перепевные, гневные, нежные звоны... / Я - изысканный стих...” (сб. “Будем как Солнце”).

Бальмонт раньше других символистов стал использовать звукопись как элемент поэтической стилистики, разрабатывая принципы смысловой значимости звука в поэтическом слове. Этим

и объясняются яркие примеры аллитераций (“Песня без слов”, “Камыши”, “Лунный свет”, “Белый лебедь”) и ассонанса, приближающегося к вокализации (“Мы плыли - все дальше - мы плыли...”, “Я вольный ветер вечно вею...”, “Полоса света”, “Промчались дни, желанья светлой славы...”). Развитие звучности стиха как самоценного качества достигалось порою за счет глубины поэтической мысли.

Как поэт Бальмонт видел в природе “стозвучность голосов”, “все богатство и музыку цветов” (стих. “Безветрие”, сб. “Будем как Солнце”). В названном стихотворении он писал: “Быть может, вся природа - мозаика цветов? / Быть может, вся Природа - различность голосов? / Быть может, вся Природа - лишь числа и черты? / Быть может, вся природа - желанье красоты?...” Бальмонт всегда много размышлял о синтезе словесных, музыкальных и цветовых образов¹.

С 1898 г. поэт подолгу жил в Петербурге, где тесно общался с кругом столичных символистов (Д.С.Мережковским, З.Н.Гиппиус, Ф.Сологубом). Играл видную роль в сложившемся к 1900 г. кружке московских символистов (В.Я.Брюсов, Ю.К.Балтрушайтис, С.А.Поляков), а впоследствии стал ведущим сотрудником символистского журнала “Весы”.

Начало 900-х годов исследователи считают периодом расцвета и наивысших достижений поэта. В это время появились сборники “Горящие здания: Лирика современной души” (М., 1900), “Будем как Солнце: Книга символов”, “Только любовь: Семицветник” (обе книги - М., 1903) и “Литургия красоты: Стихийные гимны” (М., 1905). Наиболее ощутимо в них резко изменившееся эмоциональное состояние лирического героя: на смену печальным излияниям приходит восторг перед жизнью.

В книге “Горящие здания” центральный мотив - горение: “... в нем сливаются стихийно-космическое начало и пафос творческого самосожжения. Лирический герой... демонстративно “поджигает” свое прежнее элегически-спокойное восприятие мира, отрекаясь от тютюческого завета “молчания”, воплотившегося в предшествующей книге “Тишина” (5, вып. 2, с. 12), - отмечает

¹ См. его Слово о музыке (Произнесено автором 9-го апр. 1917 г. на 1-м Утре музыки и поэзии для народа) - М., 1917; Светозвук в природе и световая симфония Скрябина - М., 1917

Н.А.Молчанова в статье “Горящие здания” в творческой эволюции К.Д.Бальмонта” “Аромат Солнца” (так называется одно из стихотворений) ощущается во многих произведениях “Горящих зданий”, но кульминации этот мотив достигнет в книге “Будем как Солнце”.

Для понимания этого сборника существенно следующее признание поэта: “Огонь, Вода, Земля и Воздух - четыре царственные Стихии, с которыми неизменно живет моя душа в родственном и тайном соприкосновении... *Огонь* - всеобъемлющая тройственная стихия, пламя, свет и теплота, тройственная и седьмеричная стихия, самая красивая из всех. *Вода* - стихия ласки и влюбленности, глубина завлекающая, ее голос - влажный поцелуй. *Воздух* - всеокружающая колыбель-могила, саркофаг-альков, легчайшее дуновение Вечности, и незримая легопись, которая открыта для глаз души. *Земля* - черная оправка ослепительного бриллианта, и Земля - небесный Изумруд, драгоценный камень Жизни, весеннее Утро, нежный расцветный Сад...

Все стихи люблю я, и ими живет мое творчество. Оно началось, это длящееся только еще обозначившееся творчество - с печали, угнетенности и сумерек. Оно началось под *Северным небом*, но силой внутренней неизбежности, через жажду безграничного, *Безбрежного*, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам *Тишины*, подошло к радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу... Любимая моя стихия - *Огонь*... и кто причастен Огню, тот слит с Мировым...” (3 дек. 1904 г.)¹.

Можно утверждать, пишет В.В.Бурдин, что именно Солнце сделало поэта одним из крупнейших представителей русского символизма. Кто еще из символистов мог воскликнуть: “Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...” (3, с. 166). Любопытно проследить, как меняется настроение лирического героя поэта от раннего сборника “Под северным небом” к более поздним - “Горящим зданиям” и “книге символов” “Будем как Солнце”. Первая книга полна традиционных символических томлений: “непонятной печали” (“Когда меж тучек...”), неясной скорби (“У скандинавских скал”), тоскующих призраков (“Призрак”), “любви,

¹ Бальмонт К.Д. Из ранних записных книжек (1904) // Собрание сочинений: В 2 т. - Можайск - Терра, 1994. - Т. 1. - С. 7-8.

блаженства и рыданий” (“Ласточка”) и бесконечной юношеской рефлексии. “Горящие здания” дают совершенно иной настрой: “Это - поэзия действия, борьбы... Меняется не только ритмический рисунок, но и настроение: вместо призыва “Смерть, убаюкай меня!” появляется - “Я хочу горящих зданий, / Я хочу кричащих бурь!” (“Кинжальные слова”) или гордое - “Я - Люцифер...” (“Смертию - смерть”). Новое настроение связано для Бальмонта в основном с образом Огня (пожара, бури, горения, света) и Солнца как источника огня, как теурга, рождающего новый мир в своем пламени: “Зажглось ты первым творческим лучом / Над хаосом...” (“Гимн Солнцу”)) (3, с. 166-167).

Из понимания Солнца (или Огня) как теурга, продолжает В.Бурдин, “неизбежно следует знак равенства между Солнцем и поэтом, также творящим новые миры. Причем Солнце и поэт не просто равны, они - едины” (там же, с. 168). В одном из более поздних стихотворений есть прямое указание на это единство: “Я сам изошел из огня / И близок я Солнцу с лучами его...” (“Гимн к Агни”).

Истоки мифологизма поэта (и, в частности, его солнцепоклонничества) лежат в мифологии разных народов, в большей мере - Египта и Вавилона (с которыми он был знаком в том числе и как переводчик). Для египтян Солнце - Бог светлый, любящий, дарующий жизнь; для вавилонян - это Бог темного демонического мира, живущего и всюду приносящего смерть. Бальмонту ближе Солнце вавилонян: в “Гимне Солнцу” он подчеркивает: “Жизни податель, / Бог и Создатель, / Страшный сжигающий свет”. Вместе с тем Бальмонт “пытается объединить и жизнетворческое, и смертоносное начала Солнца” (3, с. 172). В стихотворении “Мои враги” Поэт-Солнце - являет собой “одновременно и “расцвет” (жизнь) и жгучее, выжигающее глаза светило (смерть)” (там же).

Двуплановость ведущего образа - Солнца - подчеркивается и своеобразной “односторонностью” образа Луны: “...Ущербная, устав лучом пленять, / Она наводит ужас на поэта, / И, сглазив душу, ей дает понять, / Что можно все, что нет ни в чем запрета” (“Восхваление Луны”).

Двойственность, отражающаяся в трактовке образа Солнца, была отмечена современниками и в личности поэта. Н.Петровская,

например, считала его “одержимым”: “В нем было два духа. две личности”; одна - “с улыбкой и душой ребенка”, другая - “рычащее безобразное чудовище” (Петровская Н. Воспоминания // Минувшее: Исторический альманах. - М., 1992. - Вып. 8. - С. 26).

И современники, и позднейшие исследователи творчества Бальмонта отмечали чрезмерный эгоцентризм как характерную черту его лирического героя рассматриваемого периода. Именно тогда он начертал: “Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде” (“Как испанец”); “Кто равен мне в моей певучей силе? / Никто, никто” (“Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...”).

К тому времени Бальмонт занял в литературе прочное место. В сущности, у него не было предшественников, если не считать Н.Минского и Д.Мережковского - этих двух поэтов, проложивших путь к новой поэзии. “Но первым ее провозвестником, - подчеркивает Е.Андреева, - стал Бальмонт. Некоторое время он один, затем к нему примкнули В.Брюсов, Ф.Сологуб, З.Гиппиус и др. Образовалась группа поэтов-декадентов и символистов, как их называли тогда” (1, с. 302). Их высмеивали поначалу - в частности, В.П.Буренин в своих фельетонах в газете “Новое время”. Поэтам приходилось выступать в защиту нового искусства слова и бороться, главным образом, за новую форму стиха, в котором тогда видели только бессмысленный набор слов и звуков.

Бальмонт в ответ на постоянные вопросы, что такое символизм, подготовил лекцию “*Элементарные слова о символистской поэзии*”, которую читал в разных кружках, на вечерах московских художников, студентов и т.п. Лекция вошла в его сборник критических статей “*Горные вершины*” (М., 1904). Поэт писал: “Как определить точнее символическую поэзию? - Это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота, - сливаются так же легко и естественно, как в летнее утро воды реки слиты с солнечным светом. Однако, несмотря на скрытый смысл того или другого символического произведения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической поэзии самостоятельное существование, богатое оттенками”¹.

¹ Бальмонт К.Д. Горные вершины - М., 1904 - С. 77.

Здесь же Бальмонт размышлял об импрессионизме как одной из разновидностей литературного творчества (см.: 6, с. 215-216 и др.) На основе анализа испанской, английской и русской поэзии он обобщал: "Символизм, импрессионизм и декадентство суть не что иное, как психологическая лирика, меняющаяся в составных частях, но единая в своей сущности"¹. Бальмонт рассматривал декадентство как мирозерцание поэта, символизм - как творческий метод, а импрессионизм - как стиль: "Импрессионист - это художник, говорящий намеками, субъективно пережитыми, и частичными указаниями воссоздающий в других впечатление видимого им целого"². В этом отношении показательны и бальмонтовские сборники эссе: *"Белые зарницы: Мысли и впечатления"* (СПб., 1908), *"Морское свечение"* (СПб.; М., 1910) и др.

В дополнение и на смену движению декадентов, или "старших" символистов, "очарованных величием собственного трагизма" (по едкому замечанию А.Белого), несших на себе печать "декаданса" конца XIX в., пришло новое поколение, с его мистическим одушевлением и попыткой соединить начавшуюся социальную бурю первой русской революции с идеей духовного обновления. В их становлении важную роль сыграл факт обращения к учению Вл. Соловьева. Однако в лирике Бальмонта центральный светозарный образ - Солнца - создавался скорее как дополнение к творчеству Соловьева, чем под его влиянием. Вместе с тем в книге "Только любовь", в стихотворении "Воздушная дорога", посвященном памяти Соловьева, Бальмонт признавался в своей близости ушедшему из жизни мыслителю. Художественное кредо Бальмонта в сборнике "Горящие здания" и "Будем как Солнце" - своеобразная смесь язычества и гедонизма: "Будем как Солнце! Забудем о том, / Кто нас ведет по пути золотому... / Будем молиться всегда неземному / В нашем хотенье земном! / Будем, как солнце всегда молодое, / Нежно ласкать огневые цветы..."

В конце 1905 г. выходит книга детских стихов Бальмонта *"Фейные сказки"*, посвященная его дочери Нине (от брака с

¹ Там же

² Там же. - С. 77-78.

Е.Андреевой)¹. Свои изящные стилизации детских сказок поэт населяет персонажами до тех пор не известными русскому читателю; “В этих чистых, светлых, радостных стихах живут и действуют фея и ее спутники: комары, стрекозы, мошки, пауки, букашки, цветы - герои скандинавских и южно-славянских фольклорных произведений” (8. с. 38).

Годы первой русской революции ознаменовали наступление нового этапа в творчестве Бальмонта. Он сотрудничал в большевистской газете “Новая жизнь”, писал сатирические, обличительные стихи, митинговал (“Произносил речи, влезая на тумбы”, - вспоминала Е.Андреева-Бальмонт). Революционно-общественная тематика - не самая выразительная грань его поэзии. И в юношеские годы он не был чужд революционности, но его мятеж всегда содержал в себе анархический бунт; его больше влекла скандальная слава, сопровождавшая появление его “революционных” стихов. Так было со стихотворением “Маленький султан” (отклик на разгон студенческих волнений в 1901 г.). Тогда Бальмонту была запрещено на два года проживать в столицах, и это дало поэту шанс почувствовать себя гонимым. Так было со сборником “Стихотворения” (СПб., 1906), конфискованным полицией, и с “Песнями мстителя” (Париж, 1907), запрещенными к распространению в России. На протяжении семи лет (вплоть до 1913 г.) Бальмонт жил в Париже как политический эмигрант; при этом он совершал далекие и близкие поездки. В феврале 1912 г. Бальмонт отправляется в кругосветное путешествие, продлившееся 11 месяцев: Канарские острова, Южная Африка, Мадагаскар, Тасмания, Южная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Полинезия (о-ва Фиджи, Самоа, Тонга), Новая Гвинея, Суматра, Цейлон, Индия. Во время путешествия поэт переводит с санскрита поэмы Ашвагхоши “Жизнь Будды” и книгу “Океания”.

Новой особенностью поэзии Бальмонта стал поворот к русской теме, наметившейся в “Литургии красоты”, где поэт, с гордостью утверждая свою принадлежность к славянскому племени, воспевал соплеменников: “Славяне, вам светлая слава...” (“К славянам”). В сборниках, изданных во второй половине 900-х годов,

¹ См.: Бруни-Бальмонт Н.К. “Россия - мой дом...”: Рассказ дочери К.Бальмонта // Книжное обозрение. - М., 1983. - 3 марта.

русско-славянская тема доминирует: *“Злые чары: Книга заклятий”* (М., 1906; наложен цензурный арест из-за “богохульных” стихотворений *“Отречение”*, *“Будь проклят Бог!...”* и *“Пир у Сатаны”*). *“Жар-птица: Свирель славянина”* (М., 1907), *“Птицы в воздухе: Строки напевные”* (СПб, 1908), *“Зеленый вертоград: Слова поцелуйные”* (СПб., 1909). К ним примыкают своеобразным дополнением сборники *“Зовы древности”* (СПб., 1908) и *“Змеиные цветы”* (М., 1910) как результат знакомства поэта с древними культурами неславянских народов. Лучшая книга эмигрантского семилетия *“Зарево зорь”* (М., 1912), отразившая впечатления от поездки в Египет в 1910 г. Многочисленные очерки о Египте составят позднее книгу *“Край Озириса”* (М., 1914).

Концентрируя внимание на философской природе поэзии Бальмонта. Л.А.Стрелков (9) выделил, в частности, стихотворение *“Кормщик”* в сборнике *“Зеленый вертоград”*. Тут “каждое слово - целая поэма о смысле бытия, о преходящем и вечном... Земля видится Поэту символическим Ноевым ковчегом, уносящим человечество из тленного мира нравственнообразующих борений добра и зла в страну неомраченных мечтаний, где каждого из смертных ожидает пристань, в которой осуществляется полнота и сладость потусторонней жизни” (9, с. 57). Раскрывается философско-религиозная глубина образа Поэта-“кормщика”: “- Кто ты? - Кормщик корабля.

- Где корабль твой? - Вся Земля.
- Верный руль твой? - В сердце, здесь.
- Сине Море? - Разум весь.
- Весь? Добро и рядом Зло?
- Сильно каждое весло...”

Временем безусловного лидерства поэта было десятилетие рубежа веков, но с годами блеск импрессионистической новизны потускнел, наступило некоторое пресыщение “роскошествами” бальмонтовской лирики, сказалась ограниченность его тематического диапазона. Читатель требовал новых откликов на современность в атмосфере “страшного мира” (образ поэзии Блока) послереволюционного времени. В ответ на упрёки поэт негодовал: *“Говорят, будто лучшая моя книга “Будем как Солнце”. Это вздор. По существу своему, я в непрерывном движении, которое не видно*

лишь слепым рассудочникам”¹. И все же “Голос заката” (так называлось стихотворение) прозвучал именно в этом сборнике: “Я отошедший день, каких немного было / На памяти моей, мечтающий мой брат. / Я предвечернее светило, / Победно-огненный закат... / Я блеск бездонности зеркальной / Роскошно гаснущего дня...”

В мае 1913 г. Бальмонт вернулся в Россию (была объявлена амнистия в связи с 300-летием дома Романовых); на Брестском вокзале его встречала огромная толпа. Однако в ту пору уже многие молодые поэты и критики воспринимали Бальмонта как поэта, пережившего себя и свою эпоху, творца, по выражению Н.Гумилева, “бессодержательных и красивых слов” (8, с. 41).

В 1915 г. в Москве вышла важная для Бальмонта (теоретика символизма) книжка “Поэзия как волшебство”. Это - своего рода трактат, но “понятийной категориальности и терминологической четкости Бальмонт предпочитает метафоричность... аналитическому методу - тяготеющую к синтезу декларативность”, - отмечает Е.П.Беренштейн в статье “Поэзия как волшебство” в системе эстетических представлений К.Д.Бальмонта” (5, вып. 2, с. 39). Поэт видел мир в романтической традиции “двойственности”. “Но если в романтической типологии два уровня бытия разведены по разным полюсам, то у Бальмонта дуалистичен единый мир: реальное - трансцендентальное, эмпирическое - метафизическое, предметное - идеальное, устойчивое - текучее и т.д. - все это начала принципиально нерасчленимые. Именно эстетическая способность суждения... дает, по Бальмонту, непосредственное значение этой цельности” (там же).

При этом именно человеческое “Я”, творящее, созидающее, является необходимым посредующим элементом, преобразующим всегда несовершенную эмпирическую данность. “Природа, - пишет Бальмонт, - дает лишь зачатки бытия, создает недоделанных уродцев, - чародеи своим словом и магическими своими действиями совершенствуют Природу и дают жизни красивый лик”². Исходя из своей космогонии, Бальмонт “решается корректировать Евангелие

¹ Бальмонт К.Д. Автограф // Книга о русских поэтах последнего десятилетия. - СПб.; М., 1909. - С. 35-36.

² Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство - М., 1915. - С. 21

от Иоанна, говоря: “В начале, если было начало, было Безмолвие, из которого родилось Слово по закону дополнения, соответствия и двойственности”¹.

В слове, с точки зрения его фонетических характеристик, “синтезированы звучание природы и говорящая человеческая воля... Поэтому фонетика в ее функциональной направленности на житнетворчество тяготеет к первородной музыкальной стихии” (5, вып. 2, с. 41), - обобщает Е.Беренштейн. Обращение к “Калевале” позволяет поэту сказать: “В этом слиянии природного и человеческого, стихийного и человеческого, заключается звуковая тайна Поэзии как Волшебства, в котором вопли ветра, звериные клики, пенье птиц и шелест листьев говорят через человеческие слова...”².

Итак, слово в поэзии, по мысли Бальмонта, “обладает (в отличие от эмпирики) качественной характеристикой чуда и реализует это качество магически, т.е. через творчество как ритуал, включающий образное отстранение и восхождение к синтезу. Сам же процесс явления чуда и бытования (Бытийствования!) его есть волшебство” (5, вып. 2, с. 42).

В начале своей книги Бальмонт дает “символический образ стиха, уподобляя опыт впечатлению от свечи, помещенной между двумя зеркалами: здесь ограниченно-предметное переходит в бесконечное (и обратно), а реальность столь же очевидно совпадает с ирреальностью. В конце же книги стих уподоблен... не рукотворно-предметному, а органически-предметному: цветку... Стих, как и цветок, а) явлен, б) органичен, в) прекрасен, г) сложен, д) необходимо двойствен в неразрывности корней и венчика - чувственно-образного и первородно-бессознательного” (там же, с. 43).

Поэтическое творчество Бальмонта сосредоточилось в те годы на жанре сонета - им была подготовлена книга “*Сонеты Солнца, Меда и Луны*” (М., 1917), включавшая 255 (!) стихотворений. Книга оставляла двойственное впечатление: с одной стороны, поэт демонстрировал виртуозное владение труднейшей поэтической формой, но с другой - было очевидно, что он не может удержаться

¹ Там же - С 7

² Там же - С. 51-52

на заявленной высоте: “Среди людей ты божества наместник, / Так помни, чтоб в словах твоих был Бог...”

Крушение царизма в феврале 1917 г. поэт воспринял с ликованием, но Октябрь отверг: революция оказалась не такой, какой ее хотел видеть романтический бунтарь, и Бальмонт не принял ее¹. Получив разрешение выехать на полгода, поэт 25 июня 1920 г. отбыл из России с Е.Цветковской (ставшей в эмиграции его женой). С 1921 г. Бальмонт в эмиграции официально. Жил в Париже и на Атлантическом побережье в Капбретоне (1926-1928, 1930-1932). Никогда прежде он, скиталец по свету, так остро не ощущал разрыва с Родиной. Как всегда поэт находил спасение в работе: печатался в журналах и альманахах (“Грани”, “Воля России”, “Записки наблюдателя”, “Перезвоны”, “Сполохи”, “Числа”). В парижских “Современных записках” публиковался цикл “Видения родного” (1922. - № 9).

20-е годы - весьма продуктивный период в его творчестве. Г.П.Струве утверждал, что “ни своего дара песни, ни своего мастерства Бальмонт в эмиграции не утратил” (Струве Г. Русская литература в изгнании - 3-е изд. - Париж; М., 1996. - С. 97). Критик имел в виду стихотворения из таких сборников, как *“Дар земле”* (Париж, 1921), *“Сонеты Солнца, Меда и Луны”* (Берлин, 1921), *“Мое - Ей: Россия”* (Прага, 1924), *“В раздвинутой дали: Поэма о России”* (Белград, 1930), *“Северное сияние: Стихи о Литве и Руси”* (Париж, 1931). Были переизданы переводы книг путешествий: *“Из мировой поэзии”* (Берлин, 1921), *“Зовы древности”* (Берлин, 1923).

Среди переводов Бальмонта - “Революционная поэзия Европы и Америки. Уитмен” (М., 1922); Я.Врхлицкий “Стихотворения” (Прага, 1928), Я.Каспрович “Книга смиренных” (Варшава, 1928), “Золотой сноп болгарской поэзии: Народные песни” (София, 1930).

В своем творчестве Бальмонт остался верен прежним, когда-то провозглашенным им принципам (культ мгновения, поэзия как волшебство, сочетание красок и звуков, любование красотой, изысканность формы и т.п.). В эмиграции он написал: “Приветствую тебя, старинный крепкий стих, / Не мною созданный, но мною расцветенный, / Весь переплавленный огнем

¹ См. Бальмонт К.Д. Революционер я или нет? - М., 1918.

души влюбленной, / Обрызганный росой и пеной волн морских” (“Мое - ей”). Свойственная поэту импрессионистичность отразилась, как и ранее, в названиях и образах стихотворений: “Цветочный звон”, “Полночь в цветке”, “Цветозыбь”, “Звездный водомет” и др. (сборник “Дар земле”). Это же можно сказать о сборнике “*Марево*” (Париж, 1922).

“Представление о поэзии как магии разводило Бальмонта с молодыми поэтами”, - замечает К.С.Николаева в статье “Константин Бальмонт в восприятии писателей русского зарубежья” (5, вып. 2, с. 50). У “молодых” отчетливо проступало “ощущение душевного дискомфорта, жизненной неустроенности... Вместо бальмонтовского “волшебства” в их стихах доминируют тоска и безысходность. Своеобразным знаком этой литературы становится часто повторяющийся мотив одиночества обреченного, никому не нужного человека. Поэт... не “цветок и звезда”, а трагический голос “незамеченного поколения”, он аккумулирует в творчестве не “волшебство мира”, а боль и неприкаянность. Молодым был понятнее вздох Г.Адамовича: “Друзья! Слабеет сердца цвет, / А к Петербургу рифмы нет”...” (там же).

Не могла не казаться устаревшей верность Бальмонта эстетике символизма. При всем индивидуальном различии поэтов зарубежья у них наиболее отчетливо проступала “тяга к точному рисунку, верности детали, почти дневниковой записи чувств” (5, вып. 2, с. 51). По наблюдению М.Слонима, самым заметным в литературе 20-х годов был “уклон от символической туманности - к определенности, от многословия - к сжатости, от музыкальности - к выразительности... Бальмонт к подобной новизне был во многом равнодушен” (там же).

В стихах Бальмонта усиливались трагические ноты, тоска по оставленной родине (“Я русский”, “Россия”, “Здесь и там”). Он писал из Парижа: “Я хочу России, я хочу, чтобы в России была преображающая заря. Только этого хочу, ничего иного. Здесь пусто, пусто. Духа нет в Европе. Он только в мученической России” (1921 г.); “В Москву мне хочется всегда... думаю... о великой радости слышать везде русский язык, о том, что я русский, а не гражданин Вселенной и уж меньше всего гражданин старенькой, скучненькой, серенькой Европы” (1923) (цит. по: 1, с. 426, 428).

Прямого участия в эмигрантских спорах Бальмонт не принимал (он написал лишь письмо протеста против преследования советских писателей, но это был скорее политический акт). “Чаяние возврата в новую Россию” подогревало ностальгическую тональность гражданских и публицистических тем его творчества. Все это вобрала в себя книга очерков *“Где мой дом?”* (Прага, 1924). Потеря родины обернулась острым чувством кровной связи с отчизной. Выражением сыновних чувств стал и перевод “Слова о полку Игореве” (Россия и славянство. - Париж, 1930. - 14 июня). Знаменателен сборник *“Голубая подкова: Стихи о Сибири”* (1937), отпечатанный в штате Коннектикут в русской деревне Чураевка в типографии издательства “Alatas”. В обращении к теме потерянной родины господствовали безбрежная память, пронзительная боль и тоскующая любовь. Сборник подтвердил приверженность к прежним поэтическим образам: “Солнцезахваченным, бродил я много в мире, / В тех странах, где на всем лишь солнечный закал...”

Итак, в 30-е годы Бальмонт отвращается от западных литератур и полностью посвящает себя славянским. “Может быть, - пишет Е.Андреева-Бальмонт, - это было вызвано его тоской по родине, по России” (1, с. 431). Он изучает чешский, литовский, болгарский, сербский. Одолев их, он объезжает все эти страны, где “Бальмонта знают и любят как поэта. Эти последние годы он “тонет” в славянских литературах... Затем он погружается в изучение самого для него интересного языка, литовского” (там же). Ибо нет ему равных, считает Бальмонт, “по напевности и страсти к мелодии гласных (по шесть гласных рядом)”. Он выступает в Париже с лекциями в Сорбонне: “Народные песни Литвы и Славии”, “Литовская песня в сопоставлении со славянской” и др.; приступает к составлению сборников “Песни и сказки Литвы”, “Чешские поэты”, “Народные песни Сербии и Хорватии”, “Болгарские народные песни”.

В последнем письме к Е.Андреевой-Бальмонт, написанном 28 дек. 1933 г., он как бы подводил итоги: “Недавнее мое увлечение славянскими странами и Литвой, увы, исчерпалось. Для меня это - мелководье. Египет и Индия много богаче и крепче. Кто меня сейчас особо волнует и увлекает, это Гераклит Эфесский. В малом отрывке его чую целые миры. и они воплощаются в моей душе “Воскуряющиеся души всегда становятся разумными”. “От

незаходящего никогда - как ускользнуть кому". "Рулевой всего - молния". Из таких лучезарных блесков я строю целые сонаты, полные мудрой звучности и успокоительной гармонии" (цит. по: 1, с. 433).

В 1937 г. в Харбине в издательстве "Заря" был издан сборник стихотворений Бальмонта "Светослужение" - никогда, быть может, поэт не был столь возвышенно символичен, как в названии своей последней книги, в подзаголовке указывались даты: "1936. Август - 1937. Январь". Тираж ее был незначительным, и она сохранилась в немногих библиотеках нескольких стран. На книгу не было откликов в европейских и американских изданиях на русском. Рецензии появились лишь в харбинской печати: в журнале "Рубеж" (1947 - № 48; автор - Н.Резникова) и в газете "Харбинское время" (1937. - 7 дек. - № 328; автор - В.В.Обелянинов, выступивший под псевдонимом Тотемов).

Считалось, что творческий путь Бальмонта оборвался его душевной болезнью в начале 30-х годов и ничего значительного после этого он не написал, отмечают Н.А.Молчанова и Цзяо Чень в статье "О последней стихотворной книге К.Д.Бальмонта" (5, вып. 2, с. 59). Книга "Светослужение" "опровергает это мнение, так как в ней отразился определенный творческий подъем поэта, идея "светослужения", являющаяся для него стержневой, получила здесь яркое, концентрированное выражение, несмотря на минорный эмоциональный тон многих стихотворений" (там же). Бальмонт считал, что 52 стихотворения книги - это "никак не сборник, а цельная, единая, связанная лирическая книга, одна световая поэма, где один стих ведет к другому, как строфа к строфе", - писал он В.Обелянинову 27 февр. 1937 г. (ИРЛИ РАН. Р 1. оп. 21. д. 103 л. 10; см.: 5, вып. 2, с. 61).

Последнее письмо поэта датируется 20 янв. 1938 г.: В.Обелянинов пояснял: "Переписка оборвалась из-за неудачного издания "Светослужения". Издание было скомкано из-за спешки, вызванной затруднениями при переговорах с японскими оккупационными властями" (там же, л. 12).

Поэт постоянно был влюблен: "Любил любовь", - как он сам говорил о себе (1, с. 297). На протяжении всей эмиграции Бальмонт переписывался с Екатериной Алексеевной Андреевой (второй его женой), неизменно признаваясь ей в любви. Но это несколько не

мешало ему переживать различные влюбленности. Последним был “роман в письмах” с молодой русской девушкой Таней Осиповой, которую он никогда не видел и которая жила в Финляндии. Два года они обменивались письмами, цветами, стихами (пока Таня не умерла от чахотки). “Это была встреча двух родных душ, небывалая еще в жизни Бальмонта” (1, с. 436). Он писал Е.А.Андреевой-Бальмонт: “Она была поэтесса, и она была моей сказкой”. Бальмонт признавался Екатерине Алексеевне: “Кроме чувства к тебе я никогда не знал той высоты и красоты, которые она пробудила во мне. Мне кажется, что мое сердце пробито и опустошено” (там же). Бальмонт посвятил ей стихотворение “Прошла весна”.

С конце 30-х годов и до смерти 23 дек. 1942 г. Бальмонт тяжело болеет; в его биографии это почти сплошь белые страницы. Из писем Елены Цветковской (последней жены поэта) известны некоторые подробности тех лет: холод в комнатах, вечные долги, случайные заработки, постоянное унижение перед комендантом (они живут в приюте “Русский дом” в предместье Парижа Нуази-ле-Гран). Все это происходило на фоне прогрессирующего психического заболевания. “Надо было иметь такую необычайную силу любви, как у Елены, - пишет Е.Андреева-Бальмонт, - чтобы выносить эту жизнь” (1, с. 438). Елена Константиновна Бальмонт (Цветковская) умерла через два месяца после К.Д.Бальмонта и похоронена вместе с ним в Нуази-ле-Гран.

В русской литературе Бальмонт останется дерзким художником-новатором, но вместе с тем и поэтом, впитавшим в себя традиции мировой поэтической культуры. В отечественной поэзии своим ориентиром он считал Пушкина. В стихотворении “Отчего?” он признавался: “Отчего, хоть нежен Фет, / Если в грезе, на опушке / Неземной, предстанет Пушкин, / Вопросит: “Кто твой поэт?” - / Молвлю, чуя ход планет: / “Ты, конечно, спору нет”.

Без мелодических импрессионистических книг Бальмонта - этого “огнепоклонника”, “свегослужителя” - поэзия “серебряного века” была бы намного бедней. До конца дней он сохранял главный настрой своей души: “... Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце. / А если день погас, / Я буду петь... Я буду петь о Солнце / В предсмертный час!”

Список литературы

1. Ардреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. - М., 1997. - С. 283-560.
2. Баевский В.С. Бальмонт! // Русская филология: Уч. зап. Смолен. гуманит. ун-та. - Смоленск, 1994 - Т. 1. - С. 171-173.
3. Бурдин В.В. К истокам житнетворчества: Из наблюдений над символикой образов солнца и огня в поэзии К.Бальмонта // Серебряный век: Потаенная литература. - Иваново, 1997 - С. 166-173.
4. Гаспаров М.Л. Русский стих 1890-1925 годов в комментариях. - М., 1993. - С. 258
5. Константин Бальмонт. Марина Цветаева и художественные искания XX в.: Межвуз. сб. науч. тр. Иван. гос. ун-та. - Иваново, 1993-1996; Вып. 1. - 1993; Вып. 2. - 1996.
6. Корешкая И.В. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. - М., 1995. - 377 с.
7. Кудряшова Е.И. К.Д.Бальмонт на страницах исторического альманаха "Минувшее": (Аннотированная библиография) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX в. - Иваново, 1996. -Вып. 2. - С. 65-70
8. Мандельштам А.И. Серебряный век: Русские судьбы. - СПб., 1996. - С. 35-43.
9. Стрелков Л.А. Под знаком Бальмонта. - [М], 1997. - 67 с
10. Эллис. Русские символисты: Константин Бальмонт, Валерий Брюсов. Андрей Белый. - М., 1910; Томск, 1996. - 288 с.
11. Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D.Bal'mont / На рус. яз. - Koln; Wien, 1988-1992; Т. 1: 1890-1909.-1988;Т. 2: 1910-1917.-1992.

А.А.Ревякина

99.01.013. ЖИВЫЕ ГОЛОСА ИСТОРИИ: С.З.Федорченко и ее книга "Народ на войне" (история создания). (Обзор).

В конце 1917 г. в Киеве вышла небольшая книжка С.З.Федорченко "Народ на войне" с подзаголовком "Фронтовые записи". На титульном листе было указано, что она выпущена "издательским подотделом Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза". Несколько раньше фрагменты книги появились в периодических изданиях: накануне Февральской революции в петроградском журнале "Северные записки" (1917. - № 1) и незадолго до Октября в московском журнале "Народоправство" (1917. - № 9 - 13).